

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH182346-356>

Кудаева Светлана Григорьевна

д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории и права

Майкопский государственный технологический университет, Майкоп, Россия

istpavo@yandex.ru

АДЫГСКАЯ (ЧЕРКЕССКАЯ) ДИАСПОРА В ПОЛИТИЧЕСКОМ И СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СТРАН БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА: К ПРОБЛЕМЕ ИММАНЕНТНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФОРМИЗМА

Аннотация: Сегодня северокавказская диаспора представлена в основном адыгами (черкесами) и по неофициальным данным насчитывает от трех до пяти миллионов человек, в то время как на исторической родине их количество немногим превышает семьсот тысяч. Такое состояние адыгского этноса стало результатом событий Кавказской войны, когда большая его часть была вынуждена покинуть свою историческую родину и поселиться в странах Ближнего и Среднего Востока. Естественно, историческое явление такого масштаба не могло не привлечь внимание ученых. К настоящему времени в науке имеется достаточно наработок по теории диаспор, в основу которых положен опыт изучения еврейской диаспоры. Это позволило выделить основные критерии, характеризующие «классические» (исторические) диаспоры и экстраполировать их на адыгское (черкесское) рассеяние. Данная статья посвящена изучению одного из критериев – имманентного политического конформизма, т.е. особого отношения диаспоры к политической системе стран проживания, способности быть полезными для принимающего государства. Этот процесс представлен в динамике, что дает возможность проследить, как на разных этапах менялся статус адыгского общества в зависимости от колебаний в общественно-политической ситуации в странах их нового проживания. Специфика исследуемой проблемы обусловила использование широкого спектра методов и принципов исторического исследования. Это ретроспективный, системный и проблемно-хронологический методы, которые в сочетании с принципами историзма и объективности позволили реконструировать целостную картину прошлого и настоящего во взаимосвязи и взаимообусловленности. В ходе исследования автору удалось прийти к достаточно аргументированному выводу, что адыги (черкесы) сегодня представляют собой высокостатусные, хорошо интегрированные группы в странах проживания.

Ключевые слова: Россия; Османская империя; Кавказская война; адыги (черкесы); диаспора; имманентный политический конформизм.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH182346-356>

Svetlana G. Kudaeva

Dr. Sci. (History), Prof., Head of Dep. of History and Law

Maikop State Technological University, Maikop, Russia

istpavo@yandex.ru

ADYGHE (CIRCASSIAN) DIASPORA IN THE POLITICAL AND SOCIOCULTURAL SPACE OF THE NEAR AND MIDDLE EAST: TO THE ISSUE OF IMMANENT POLITICAL CONFORMISM

Abstract. Currently, the North-Caucasian diaspora consists mainly of Adyghe people (Circassians) and, according to unofficial data, numbers from 3 to 5 million people; at the same time, their number in their historical homeland slightly exceeds 700,000 people. Such state of the Adyghe ethnic group was the result of events of the Caucasian War, when most of its population had to flee from their historical land and settle in the countries of the Near and Middle East. Naturally, a historical phenomenon of this magnitude could not but attract interest from the scientific community. To date, we possess enough works on the theory of diasporas, based on the experience of studying Jewish diaspora. This makes it possible to single out key criteria, typical for “classical” (historical) diasporas and extrapolate them on the Adyghe dispersion. The present paper studies one such criteria – immanent political conformism, i.e. a specific attitude of a diaspora to the political system of the country of residence, the opportunity to be productive within the receptive state. This process can be considered in the dynamics, which allows to trace the transformation of the status of the Adyghe community on different stages in connection with the fluctuations of the socio-political situation in the countries of their new residence. The specificity of the issue under question has led to the use of a wide range of methods and principles of historical research. These are retrospective, systematic and problem-chronological methods, which, coupled with the principles of historicism and objectivity, allowed for reconstruction of a full picture of the past and present in the context of interrelations and interdependence. During our study, we have come to a well-grounded conclusion that Adyghe people (Circassians) today represent high-status, integrated groups within the countries of their residence.

Keywords: Russia; Ottoman Empire; Caucasian War; Adyghe (Circassians); diaspora; immanent political conformism.

Введение

В современном мире возрастает значимость и влияние диаспор не только на социально-экономические и политические процессы стран проживания, но на формирование системы международных отношений. Сложность и многоаспектность феномена диаспоры обусловили то, что ее изучением занимаются ученые разных научных направлений – этнологи, социологи, культурологи, историки. В данном контексте большое значение приобретает, прежде всего, теоретическое осмысление проблем «классических» (исторических) диаспор, выделение основных характеристик и их экстраполяция на конкретные диаспоры. Это существенно облегчит более детальное изучение особенностей, присущих именно природе определенной диаспоры. К настоящему времени уже сложились определенные подходы к их изучению, в которых, вследствие устоявшейся в науке традиции, в качестве типологической конструкции выступает еврейская диаспора. Это позволило провести сопоставительный анализ наиболее известных характеристик «классических» (исторических) диаспор и выделить их инвариантную составляющую.

Результаты многолетних исследований по истории становления и развития черкесской (адыгской) диаспоры в странах Ближнего и Среднего Востока позволили автору адаптировать их к адыгской диаспоре, т.е. определить вариативный компонент методики ее изучения и обосновать вывод, что черкесскую (адыгскую) диаспору можно поставить в один ряд с «классическими» историческими диаспорами [1, р. 51–66].

Данная статья посвящена изучению одного из критериев – проявлению имманентного политического конформизма. Т.е. необходим анализ особенностей процесса инкорпорации адыгских (черкесских) иммигрантов в политическую и социокультурную структуры страны, гражданами которой они стали. При этом мы хотим обратить особое внимание на то, как в процессе социализации они смогли использовать навыки и умения, приобретенные на исторической родине с пользой для принимающего государства. Этот процесс представлен в динамике, что дает возможность проследить, как на разных этапах менялся статус адыгского общества в зависимости от колебаний в общественно-политической ситуации в странах их нового проживания. Интерес представляет то, как в контексте взаимодействия политических, экономических и социальных явлений, обусловивших особенности формирования адыгской (черкесской) диаспоры в Османской империи, адыги (черкесы) смогли реализовать себя и интегрироваться в новое социокультурное пространство стран их нового проживания.

Материалы и методы

В ходе исследования привлекались различные историографические источники – архивные материалы, публикации мемуарного характера, свидетельства очевидцев описываемых событий, статистические материалы, работы,

посвященные Кавказской войне. Существенная информация получена в ходе научной историко-этнографической экспедиции в Турцию, а также из работ зарубежных авторов, некоторые из них впервые переведены на русский язык и введены в научный оборот.

Систематизация и анализ источников, с учетом специфики исследуемой проблемы, обусловили использование широкого спектра методов и принципов исторического исследования. Это ретроспективный, системный и проблемно-хронологический методы, которые в сочетании с принципами историзма и объективности позволили реконструировать целостную картину прошлого и настоящего во взаимосвязи и взаимообусловленности и прийти к значимым выводам.

Обсуждение и результаты

Основные волны переселенцев попали в Османскую империю в основном в период правления султанов Абдул Меджида (1839–1861) и Абдул Азиза (1861–1876). Окончательное оформление адыгской (черкесской) диаспоры пришлось на последнюю четверть XIX в. при активном участии султана Абдул Хамида II (1876–1909) и во многом зависело от изменений политической конъюнктуры в регионе, обусловленных исходом русско-турецких войн.

По сведениям известного исследователя северокавказской эмиграции Г.А. Дзидзария, первая массовая волна переселенцев в Османскую империю пришла уже в конце 30–40-х годов XIX в. В этот период они осели в азиатских регионах Османской империи. Большая часть их оказалась в Трапезунде, Самсуне, Синопе [2, с. 68] Позже, после окончания Крымской кампании (1853–1856), переселение принимает массовый характер и обусловлено это усилением военных действий российских войск на Северо-Западном Кавказе.

С 1858 г. решение проблем, связанных с черкесским населением, становится весьма значимым как для российского, так и османского правительств. Это видно из дипломатической переписки [3, с. 1011]. И Россия, и Османская империя стремились извлечь из переселения черкесов свою пользу. Россия освобождала от коренных народов территории, важные в стратегическом отношении. Планы османского правительства диктовались в основном особенностями политического и социально-экономического состояния страны в рассматриваемый период. В мировой практике нет случаев, чтобы государство, принимая беженцев в таком количестве, не имело бы планов по их применению. Очевидно, что переселенцы (беженцы) не могли рассчитывать на одинаковое положение с гражданами принимающего государства. И адыги вынуждены были доказывать «собственную нужность государству», им необходимо было определить свое место в новой социокультурной структуре. Еще древняя философская мысль гласила, что адаптация в новом социуме

возможна только при условии принятия всех норм и правил, установленных в этом обществе. Т.е., со стороны переселенцев требовалась полная трансформация прежнего образа жизни. Особенно сложно это было сделать на первоначальном этапе их пребывания в Османской империи.

Начавшийся еще в XVIII в. глобальный кризис империи к началу XIX в. достиг своего пика. К рассматриваемому периоду Османская империя представляла собой сложный агломерат народов, удержание которого в прежних границах требовало изменения военно-политической системы. Решение этой проблемы в первую очередь было связано с усилением армии и в этом правительство возлагало большие надежды на адыгских переселенцев. В 60-х гг. султанским генерал-губернатором (вали) Ахмедом Мидхат-пашой был разработан план расселения черкесов. Их размещали в европейских владениях империи, на Балканах, чтобы увеличить мусульманское представительство в ранее христианских регионах: от устья Дуная до Боснии и Герцеговины. Как писал Ф. Канитц, «черкесским переселенцам было назначено населять клин, идущий с Востока на Запад, в противоположном направлении магометанско-албанскому элементу, которому они, в случае нужды могли бы подать руку, и, таким образом, составить живую пограничную изгородь между христианскими болгарскими массами с их единоверцами сербами» [4]. В итоге черкесские поселения оказались рассеяны по всей Болгарии и Югославии попеременно с местными деревнями.

К лету 1864 г. в Стамбул прибыло столько переселенцев, что только Балканами было не обойтись. Тем не менее, до 1878 г. османские власти соблюдали условия договоренностей с Россией селить их только во внутренних районах и подальше от русских границ. Правительство вынуждено было расселять их в Малой Азии – в центральной и западной Анатолии.

Османскому правительству было сложно принять переселенцев в таком количестве. Адыги, попадая в места своих новых поселений, испытывали невероятные страдания. Согласно источникам, среди переселенцев была очень высокая смертность. Много жизней унесла эпидемия оспы и чумы. Многие авторы утверждают, что в этот период погибло полмиллиона человек. Но из слов очевидцев этих событий можно предположить, что эта цифра весьма занижена. В газете «Дроэба» один из ее корреспондентов пишет: «Я поражен физической и духовной силой этого народа – из каждых пяти человек один все же жив, несмотря на перенесенные ужасы» [2, с. 373].

Итоги русско-турецкой войны 1877-78 гг. кардинально изменили ситуацию. В этой войне адыги вновь столкнулись с российской армией, но теперь они защищали интересы Османской империи, гражданами которой стали. Опыт многолетней войны с российскими войсками на своей родине сыграл свою роль. По некоторым сведениям, около 80 тыс. адыгов были отправлены для участия в русско-турецких сражениях. «...Турция не ошиблась, – писал султан Довлет-Гирей, – ей выгодно было получить новый на-

род – народ здоровый, воинственный, воспитанный на традициях мужества, благородства и беззаветной преданности»¹ [5].

В ходе войны адыги оправдали ожидания османского правительства. Они приняли активное участие в боевых действиях в составе регулярных, иррегулярных и полицейских войск. А. Кушхабиев приводит сведения из османского источника о том, что «...из черкесских иммигрантов, расселившихся в Анатолии в районах Азизие, Сиваса и Джаника были сформированы четыре кавалерийских полка по одной тысяче человек в каждом. Первой бригадой, состоявшей из 6 эскадронов, командовал генерал Мустафа-паша; второй, состоявшей также из 6 эскадронов, – генерал Муса Кундух, в прошлом офицер российской службы; третьей, насчитывавшей 10 эскадронов, – сын Шамиля генерал Гази Мухамед-паша» [6, с. 36.].

Много черкесов уже в статусе военачальников османской армии принимали участие в военных действиях на Балканах. Их имена вошли в историю: Дагестанлы Мирлива Мехмед Мухлис-паша – командующий кавалерией на балканском фронте, Ибрагим-паша, командующий добровольческими конными подразделениями, полковник Садетин-бей, Дели Хусреу-бей (младший брат Маджан Рауф-паши), Дилавер Карзег-паша – адмирал Дунайской морской флотилии. Один из последних черкесских предводителей времен русско-кавказской войны Берзег Хаджи Герандук уже в преклонном возрасте командовал на Балканах адыго-абхазо-убыхским кавалерийским отрядом. Некоторые из них получили маршальские звания и занимали высокие посты в османской армии. Так маршал Маджан Рауф-паша после войны был главнокомандующим османской армией, Ферик Туга Фуат-паша после войны получил звание маршала и должность заместителя главнокомандующего османской армией [7, с. 8–11].

Итоги русско-турецкой войны 1877-78 гг. окончательно определили дальнейший ход событий. Победа России способствовала освобождению народов Балкан, а черкесов, расселенных в этом регионе, вновь ожидали сложности. Они очередной раз вынуждены были переселяться в другие места империи без права возвращения на Балканы. Потерпевшая поражение Османская империя не могла нарушить решение Филиппопольской конференции европейских держав (ноябрь 1878 г.)², а также условия договора в Сан-Стефано (март 1878 г.) и Берлинского трактата (июнь 1878 г.). Российское правительство в категорической форме требовало выселение черкесов с Балканского полуострова и отказ в расселении их вблизи русско-турецкой границы: «...не употреблять в пограничных гарнизонах иррегулярных войск, как-то башибузуков и черкесов»³ [8, с. 190; 9, с. 190]. Так началось новое переселение – с Балкан в Анатолию и страны Ближнего Востока.

1 Доклад султана Довлет-Гирея «Черкесские племена в Турции» на собрании Общества любителей изучения Кубанской области (ОЛИКО) // ЛОААН (Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР). Ф. 800, Н.Я. Марра. Д. 188 Л. 2 об.

2 АВПР. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517 (2). Д. 3290. Л. 5.

3 АВПР. Ф. Трактаты. Оп. 466. Д. 1414. Л. 1691.

К этому времени политическая ситуация обострилась и в арабских провинциях Османской империи. Правительство вновь использовало адыгов в качестве охранной силы, расселив их на окраинах и вокруг крупных городов. В окрестностях Стамбула по сей день располагаются 120 адыгских аулов, образуя защитный полумесяц.

Эти события пришлось на правление Абдул Хамида II, который приложил немало усилий для облегчения участи переселенцев. По этому поводу он писал: «Я сделал все возможное для поселения и защиты этих наших единоверцев мухаджиров. Я создал поселения мухаджиров от Стамбула до Алеппо. Большинство расходов по их поселению я покорно заплатил сам» [10, с. 120, 132, 146, 150; 11, с. 17]. Таким образом, черкесы оказались рассеянными по всей территории империи. По сведениям Дж. Мак Карти «в результате всех миграций северокавказцев из России и Балкан мусульманское население Анатолии с 1878 по 1911 гг. возросло на 50%» [12, с. 116, 375].

Как и на первоначальном этапе пребывания адыгов в Османской империи, правительство рассчитывало, используя их земледельческий опыт в сложных ландшафтных условиях Кавказа, навыки животноводства и ремесла, улучшить экономическое состояние обширных регионов империи. С этой миссией они также успешно справились.

Следует отметить, что именно Абдул Хамид II по достоинству оценил возможности адыгов и смог привлечь их во все сферы жизни государства. Благодаря так называемой «черкесской политике» Абдул Хамида II черкесы смогли занять высокие посты в армии и государственном аппарате. Доверие к ним было настолько высоким, что к периоду младотурецкого переворота, черкесы составляли 40–50% командного состава империи. Примечательно, что оценивая свое участие в младотурецком перевороте, они называли этот период «золотым веком черкесов» в Турции. Выходцы из Северного Кавказа и сейчас занимают значительное место в генералитете турецкой армии [11, с. 150].

Внешне- и внутривосточная обстановка в Османской империи стали благоприятной средой для включения черкесов в важнейшие сферы жизни общества. Известно, что и в последующем адыги продолжали занимать значимое место в общественно-политической и культурной жизни стран проживания. Из их среды выходили великие визири, крупные государственные деятели, талантливые военачальники, писатели, композиторы, художники. Здесь мы можем назвать имена только некоторых из них. Среди сподвижников основателя Турецкой Республики Мустафы Кемаля (Ататюрка) были известные черкесские генералы Али Фуад Джебесой и Изет-паша Дженатуко. Одним из выдающихся партизанских командиров Западной Анатолии стал черкес Этхем из шапсугского рода Дипшой. Немало высших офицеров из числа адыгов служит в вооруженных силах Сирийской Арабской Республики. Их имена известны всей стране. Фуад Баг – генерал – лейтенант, был военным атташе Посольства САР в Москве, занимал пост заместителя министра обороны Сирии, Гиса Апыш – генерал-майор, Саид Беретарь – генерал-лейтенант и другие.

У истоков Иорданского Хашимитского королевства стояли адыги Мирза-паша (Къумыкъбу), Саид-паша аль-Муфти (Хъэвжокъуэ), который был премьер-министром Иордании, избирался мэром Аммана, был назначен министром торговли, министром экономики.

Известный писатель, кинодраматург и режиссер, продюсер, бизнесмен Кандаур Мухадин Иззет, адыг по происхождению, родился в Аммане в 1938 г. Защитил докторскую диссертацию по философии в Клермонтском университете (Калифорния, США) по теме «Движение мюридизма на Северном Кавказе в XIX веке». Автор многих романов, член Союза писателей и Союза кинематографистов США, снял в Голливуде несколько художественных и свыше 50 документальных фильмов.

Видный общественный деятель Иордании, бывший атташе посольства Иордании в Москве, член Амманской Адыгэ Хасэ Хашим Амшуко, известен как один из организаторов укрепления связей с нашими соотечественниками за рубежом [4].

Этот список может продолжить известный общественно-политический деятель историк и философ Айтек Намиток. Он жил и работал в Праге, где написал свой главный труд «Происхождение черкесов». В соавторстве с французским кавказоведом Жоржем Дюмезилем А. Намиток написал «Басни Цея Ибрагима» [12, с. 124–125].

В странах Ближнего и Среднего Востока и сегодня ходят легенды не только о красоте, уме, но и мужестве адыгских женщин. Общественная деятельность, плоды литературной деятельности знаменитой черкешенки XVIII в. Айссе Айшет Шарлотта внесли заметный вклад в историю мировой культуры и были высоко оценены самыми строгими ценителями искусства во Франции.

Всему миру известно имя черкешенки Людмилы Чериной (Моники Шэмырзэ). Уже в 15-летнем возрасте она была удостоена звания прима-балерины и возглавляла выступления в Опера Монте-Карло. Позже Моника танцует в Париже в Гранд Опера, а в 1945 г. переходит в Опера Марсель. Имя Л. Чериной во Франции стало символом прогрессивного содержания искусства, гуманистического духа французской культуры.

Куна Уджуху была признана национальной героиней Сирии. В 1967 г. в период оккупации Голландских высот Израилем в знак протеста она отказалась покинуть свой дом в Эль-Кунейтре. Восемь лет Куна провела в пустом городе. Ее поступок был высоко оценен лидерами арабских стран.

Всем известны имена Таужан Егзэн из Иордании – первой женщины депутата, писательницы Халиде Адиб из Турции, Сатаней Схаляхо – доктора антропологии, внучки автора трехтомного издания «История Кавказа», известного турецкого генерала Исмаила Беркока [12, с. 126–127].

И в настоящее время адыги вносят значимый вклад в общественно-политическую и культурную жизнь стран проживания и прилагают немало усилий для сохранения языка и традиций. В этом мы смогли убедиться в ходе

встреч во время научной историко-этнографической экспедиции в Турции⁴. Побывав в Кавказском культурном обществе (Kafkas Kultur Dernegi), Кавказском благотворительном фонде (Kafkas Vakfi) г. Стамбула, Северокавказском обществе г. Яловы (Yalova Kuzey Kafkas Dernegi) нам удалось пообщаться с известными адыгами Турции – мэром г. Яловы Барбаросой Беничиоглы, известным кардиологом, доктором медицины Гюнсель Шурдум; Рахми Тумэ – юристом, общественным деятелем (принимал активное участие в организации и работе Хасэ); Али Мирзой Чурэй – в прошлом офицером турецкой армии, автором 4 научных монографий об адыгах и др.

Заключение

В рамках небольшой статьи невозможно в полной мере показать несколько значим вклад во все сферы жизни общества стран проживания адыгов (черкесов) зарубежья, назвать все имена. Приведенные примеры со всей очевидностью показывают, что процесс инкорпорации адыгов-переселенцев в новые политические и социокультурные структуры стран их нового проживания проходил весьма сложно. Но, очевидно, что, несмотря на нарушение внутренней архитектоники этноса, трансформацию его социальной структуры и образа жизни, обусловленные резкими политическими и социальными потрясениями, адыгам удалось реализовать себя. На первоначальном этапе это, естественно, был опыт пассивного политического конформизма, когда они вынуждены были исполнить волю своего нового правительств. Но, преодолев все сложности, они в полной мере смогли проявить свои способности в разных сферах жизни общества и стать полноценными гражданами стран проживания. Это дает право с уверенностью утверждать, что это уже яркий пример активного имманентного политического конформизма. Адыги (черкесы) сегодня представляют собой высокостатусные, хорошо интегрированные группы в странах проживания. Это является подтверждением проявления высокого уровня конформности, т.е. умения воспринять правила и нормы поведения, господствующие в обществе новой страны проживания и, при этом, сохранить устойчивость самооценки и самоуважения, а также собственной идентичности.

Естественно, это наводит на раздумья о судьбах национальной культуры. Об этом очень хорошо пишет К.К. Султанов «... происходящее в последние годы возвращение многих имен, произведений, достижений в разных областях культуры и искусства, принадлежащих адыгскому зарубежью со всей очевидностью демонстрируют, насколько односторонни, недостаточны

4 Автор данной работы в составе группы ученых Северного Кавказа принимала участие в работе историко-этнографической экспедиции в Турции в 2004-2005 гг. в рамках гранта РГНФ «Северокавказская диаспора на Ближнем и Среднем Востоке: истоки, проблемы, перспективы. Социально-политические и этнокультурные аспекты».

наши вчерашние представления о путях развития, насколько они могут быть уточнены, стать объемнее, шире, богаче, чем прежде, если мы включим в круг наших суждений оба потока, сопоставляя, соединяя в наших размышлениях опыт развития Адыгеи и адыгского зарубежья» [14, с. 35].

Очевидно, что встает задача более глубокого и объективного изучения адыгской диаспоры и решение такой актуальной задачи, как ее связь с национальными процессами в современной Адыгее, на родине национальной диаспоры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. *Kudaeva S.G.* Circassian (Adyg) scattering in the Countries of the Middle East: theoretical and methodological approaches to the study of diasporality (on the example of the Jewish classical diaspora). *Astra Salvensis Pevista de istorie si cultura*. Year V. № 12. Salva, 2018. P. 51-66.
2. *Дзидзария А.Г.* Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975.
3. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 12. Ч. II. №890. С. 1011.
4. *Канитц Ф.* Дунайская Болгария и Балканский полуостров. Исторические, географические и этнографические путевые наблюдения 1860-1875 гг. СПб., 1876.
5. Черкесское зарубежье. №2. 1994.
6. *Кушхабиев А.В.* Черкесы в Сирии. Нальчик, 1993. С.36.
7. *Berzeg Safer.* 1877-1878 Osmanli-Rusya Savasinda Kuzey Kafkasya`ve Sürgündeki Kafkasyalilar // *Kafkasya Gerceqi*. 1990. N 1. S. 8-11.
8. Сборник договоров России с другими государствами 1856-1917 гг. М., 1952.
9. *Авакян А.Г.* Черкесский фактор в Османской империи и Турции (вторая половина XIX – первая четверть XX в.). Ереван, 2001.
10. Сборник договоров России с другими государствами 1856-1917. М., 1952. С. 190.
11. *Abdülhamid`in Hatira Defteri.* İstanbul, 1996. S. 17.
1. *Kudaeva SG.* Circassian (Adyg) scattering in the Countries of the Middle East: theoretical and methodological approaches to the study of diasporality (on the example of the Jewish classical diaspora). *Astra Salvensis Pevista de istorie si cultura*. 2018, 5(12): 51-66.
2. *Dzidzaria AG.* *Makhadzhirstvo and problems of the history of Abkhazia in the 19th century [Makhadzhirstvo i problemy istorii Abkhazii XIX stoletiya]*. Sukhumi, 1975.
3. *Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission [Akty, sobrannyye Kavkazskoy arkheograficheskoy komissiey]*. Vol. 12. Part II. No. 890. p. 1011.
4. *Kanits F.* *Dunaskaya Bulgaria and the Balkan Peninsula. Historical, geographical and ethnographic travel observations of 1860-1875 [Dunayskaya Bolgariya i Balkanskiy poluostrov. Istoricheskie, geograficheskie i etnograficheskie putevye nablyudeniya 1860-1875 gg]*. Saint Petersburg, 1876.
5. *Circassians abroad [Cherkesskoe zarubezh'e]*. No. 2. 1994.
6. *Kushkhabiev AV.* *Circassians in Syria [Cherkesy v Sirii. Nal'chik]*. Nalchik, 1993. p. 36.
7. *Berzeg Safer.* 1877-1878 Osmanli-Rusya Savasinda Kuzey Kafkasya`ve Sürgündeki Kafkasyalilar. *Kafkasya Gerceqi*. 1990, 1: 8–11.
8. *Collection of treaties between Russia and other states in 1856-1917 [Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami 1856-1917 gg]*. Moscow, 1952.
9. *Avakyan A.G.* *The Circassian factor in the Ottoman Empire and Turkey (the second half*

12. Кудяева С.Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества. Майкоп 2014.

13. Чеучев Н.Ш. Основы современной цивилизации. Майкоп, 1994. С. 124-125

14. Султанов К.К. Две культуры или одна? (Проблема целостной характеристики) // Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения. Черкесск. 1993.

of the 19th – the first quarter of the 20th century) [Cherkesskiy faktor v Osmanskoy imperii i Turtsii (vtoraya polovina XIX – pervaya chetvert' XX v.)]. Yerevan, 2001.

10. *Collection of treaties between Russia and other states 1856-1917 [Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami 1856-1917]. Moscow, 1952. p. 190.*

11. *Abdülhamid'in Hatira Defteri. Istanbul, 1996. p. 17.*

12. Kudaeva SG. *Adyghe (Circassians) of the North-Western Caucasus in the 19th century: the processes of transformation and differentiation of the Adyghe society [Adygi (cherkesy) Severo-Zapadnogo Kavkaza v XIX veke: protsessy transformatsii i differentsiatsii adygsogo obshchestva]. Maykop, 2014.*

13. Cheuchev NSh. *Foundations of modern civilization [Osnovy sovremennoy tsivilizatsii]. Maykop, 1994. p. 124–125.*

14. Sultanov KK. Two cultures or one? (The problem of integral characteristics). *Cultural diaspora of the peoples of the Caucasus: genesis, problems of study. Cherkessk, 1993.*

Статья поступила в редакцию 25.03.2021 г.